

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4
П 33

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви*
ИС Р17-711-0435

Пирогова, Л.И.

П 33 Хозяин: Роман / Людмила Ивановна Пирогова. — М.: Сибирская Благовонница, 2020. — 921, [7] с.

ISBN 978-5-00127-136-9

На что готов пойти человек, чтобы, как говорят в народе, стать хозяином жизни? Как можно делать карьеру, хотя в этом слове откровенно звучит другое слово — «карьер» — то есть зарываться в землю, а не взлетать в небо, как кажется главному герою, который становится хозяином не только предприятий, но и окружающих его людей, а главное, пользуется их любовью и в то же время всю жизнь ищет ее. Судьба главного героя нового романа Людмилы Пироговой, известной читателю по роману «Крик журавлей в тумане», проходит не только через несколько эпох истории нашей страны, но и через судьбы встречающихся на его пути и окружающих его людей. «Кто был никем, тот станет всем» — вот, кажется, главный девиз нового хозяина жизни, но при этом даже самые близкие люди остаются для него «никем». До тех пор, пока Сам Бог не ставит на взлете его обезумевшей гордыни точку. Точнее, многоотчие. Потому что нужно пройти путь до конца... До высшего предела. Роман «Хозяин» — это большой путь, по которому вместе с героями сможет пройти читатель.

Главное, не пройти мимо любви земной и небесной...

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

© Пирогова Л.И., текст, 2018
© Издательство Сибирская
Благовонница, оформление, 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Сашка сидел на краю обрыва и хмуро смотрел на плещущееся внизу море. Сегодня оно было почти черным, под стать Сашкиному настроению. Так было всегда: если Сашке хотелось улыбаться, море в знак солидарности с ним запускало на свои голубые волны солнечных зайчиков, если плакать — темнело и мрачно вздыхало. Оно и разговаривать умело, только Сашка не понимал, что означает шум его волн. А отец разбирался...

При воспоминании об отце у Сашки заныло пониже спины. Батя был скор на расправу и тяжел на руку, а нынче постарался особо. И все из-за проклятого друга Пашки. Говорил сыну батя, чтоб не водил он ни с кем особой дружбы, друзей не приваживал, а жил своим умом и своим домом, но Сашка слушал его вполуха. Вот и пострадал из-за дружбы этой проклятой. Пашка, он же, как липучка, три дня канючил: «Дай да дай прокатиться на велосипеде». Сашка держался, не давал: велик новенький, батя его купил, чтоб по делу ездить, товар возить. Но и Пашка оказался не лыком шит. Сочинил сказку о том, что только до магазина доедет, чтобы купить там пузатых, посыпанных

коричневой мукой подушечек и угостить ими Сашку. Знал, чем заманивать: уж больно любил Сашка с хрустом разгрызать эти самые подушечки, вот и не устоял, клюнул на дружеские посулы. Пашка с его разрешения велик взял, но обещание не выполнил и подушечек не купил, потому что пока он катался, магазин закрылся на обед. Вдобавок к этому он поставил велосипед не в сарай, откуда брал, а возле забора, где его увидел батя, что само по себе не сулило ничего хорошего. Так что у Сашки была причина разозлиться и дать другу по уху, что он и сделал. Откуда ему было знать, что у Пашки кровь из ушей потечет? Он даже и не догадывался, что в ушах есть кровь, он думал, что она только из носа течь может. Но у Пашки кровь потекла из уха. Прибежала его мамаша, заголосила, что сына убили, а потом подоспел Сашкин отец и расстегнул тяжелый солдатский ремень.

— За что? — закричал Сашка. — Я Пашке за дело врезал, он на велике нашем катался, а ты теперь его жалеешь?

— А кто ему этот велик дал? Варька, сеструха твоя несмышленная, или, может, я?

Сашка виновато потупился, понимая, что наказания не избежать.

— Я ведь говорил тебе, сынок, чтоб ты друзей к дому нашему не приваживал, чтоб имущество берег, потому как оно денег стоит. Ты еще копейки в дом не принес, а уже добро наше разбазариваешь направо-налево. Я тебе про все говорил, но у тебя в одно ухо вошло — из другого выскочило, и в дурной твоей башке ничего не задержалось. Так что придется теперь вколачивать в тебя свою науку через другое место.

Отец одной рукой согнул Сашку пополам, а другой размахнулся.

Сашка терпел, зубы сжимал до скрежета, но терпел. А теперь вот сидел на краю обрыва и считал, сколько лет ему осталось до получения паспорта. Выходило, что немного — всего лишь год. Через год он станет самостоятельным и сможет навсегда уйти из отцовского дома.

Сашке было без разницы куда, лишь бы подальше отсюда. Страна большая, иди на все четыре стороны — не пропадешь. Про это даже песня есть, в которой так и поется: «Молодым везде у нас дорога». А он молодой, силы у него много, к труду привычный, батя сам всегда говорил, что руки у него откуда надо растут. Вот только с головой не очень, оттого и сидеть теперь неудобно. Вколотил батя науку, век не забудешь!

— Санек, айда в футбол! Чур, я на воротах! — ворвался в его размышления голос неугомонного Пашки.

Санька обернулся: к нему как ни в чем не бывало направлялся Пашка.

Кровь из его уха уже не текла, ничего у него не болело, и он ловко перекидывал из одной руки в другую предмет своей гордости — яркий футбольный мяч. Настоящий, упругий, кожаный. Легко подскакивая, мяч взмывал высоко вверх, на радость Пашке, на зависть окрестным пацанам.

— А ты пас давай, — вскочил Сашка, отряхивая штаны, — не жмоться! Не бойсь, я поймаю.

Пашка, поддавшись уговорам друга, положил мяч на землю и коротким ударом ноги паснул его к Сашке, который, перехватив мяч, отправил его

дальше, в сторону обрыва. Мяч весело подпрыгнул и скрылся из виду, падая в море.

— Ты че?! — заорал Пашка. — Ты че наделал?! Мне этот мяч из самой Москвы батя привез!

Сашка посмотрел вниз: мяч упал в воду и теперь качался на волне у самого берега.

— Ну и че? Мне велосипед тоже батя привез.

Сашка презрительно сплюнул и, засунув руки в карманы, пошел домой.

Пашка побежал вниз, на берег.

— Ты мне не друг больше! Понял?! — на ходу крикнул он Сашке.

— Да мне такие друзья...

Сплюнув и растерев по земле плевков, Сашка выругался, но Пашка его не слышал: он торопился вытащить из воды мяч.

Направляясь к дому, Сашка убеждал себя в том, что все сделал правильно: «Пашка зачем просил велосипед? Чтобы доехать до магазина и купить подушечек. А что сделал? Накатался до отвала, подушечек не привез, матери пожаловался да еще кровь себе из уха пустил. Я ничего плохого не сделал — но получил порку. А он ничего хорошего не сделал — но все его пожалели. Несправедливо!»

Санька остановился и обернулся. Пашка уже спустился с обрыва к морю и, подвернув штаны, прыгал по воде, доставая мяч.

— Пусть теперь попрыгает, так будет справедливо! — удовлетворенно сказал Сашка, и море, в знак согласия с ним, посветлело. — А если он еще раз у меня велик попросит, я его мяч так запущу, что тот вообще уплывет. Чтоб еще справедливей было.

Санька повеселел до такой степени, что начал насвистывать: «Чижик-пыжик, где ты был? На базаре водку пил».

— Ты, акулий хвост, где шляешься? — набросилась на него Клава, едва он открыл ворота во двор своего дома. — Отец обыскался, а тебя нет и нет.

Неужели и про мяч уже узнал? Внутри у Сашки похолодело от страха.

Отец Сашки, Николай Петрович Платонов, был человеком по жизни хмурым, но уважаемым, так как жил тихо, работал много, семью держал в строгости, домашний уклад соблюдал по домострою, соседям зла не делал и на свой порог никого не пускал. Во всей округе слыл он лучшим мастером-деревянщиком, любую вещь из дерева — игрушку, лавку или комод — мог так сделать, что хоть в музей отдавай. Говорил Николай Петрович мало, дружбы ни с кем не водил, ссор не затевал, детей любил, как умел, и воспитывал так, как его самого воспитывали, а до него — его отца и деда. Сашке этот метод воспитания не нравился, но приходилось терпеть, тем более что жаловаться было некому. Матери своей он с младенчества не знал и до пяти лет на полном серьезе считал, что его нашел в капусте отец, оттого и нет у них никакой матери. О том, что у каждого ребенка должна быть мать, он догадался лишь тогда, когда пошел в школу, в первый класс, куда все ребята пришли с матерями и только Сашка — с отцом. Вечером того же дня Сашка осмелился спросить у отца, куда делась его мама. Отец долго вздыхал и гладил сына по голове, а потом тихо сказал:

— Далеко она, сынок, отсюда не видать.

Это известие привело Сашку в полное изумление: оказывается, у него тоже есть мама, только она где-то далеко. Наверное, за морем, ведь оно такое большое, что за ним точно ничего не видать. Интересно, почему она там? Может, за ней лодку какую-нибудь послать? На эти вопросы отец не ответил ни тогда, ни потом. Просто сказал, что вместо матери у него есть Клава и он должен ее слушаться. Однако Клавку — жену отца — Сашка уважал мало и слушаться ее не собирался. Благо, что та никогда на него не жаловалась. Не потому, что жалела Сашку, а потому, что и сама отца побаивалась: никогда нельзя было угадать, как поведет себя муж.

— Чего замер? — толкнула его Клава. — Отец велел, как придешь, к нему бежать, дело у него до тебя есть.

Тяжело вздохнув, Санька побрел в сарай.

«Вот еще немного подрасту, а потом так ему тресну, что он насовсем ремень свой забудет», — угрюмо пообещал себе Сашка.

Однако страх его оказался напрасным. Отец был настроен вполне миролюбиво и занимался тем, что перебирал доски, лежащие под навесом возле сарая.

— Давай, сынок, присоединяйся, — сказал отец, увидев Сашку, — табурет делать будем!

— Зачем? — опешил Сашка.

— А затем, что возраст у тебя разумный. Вон бабы, — он кивнул на Клаву, около которой терлась Варька, — сызмальства приучаются к своим

бабьим делам, чтобы потом не канючить, а дом соблюдать, семью обихаживать. А у нас, мужиков, свои дела есть. И чтобы их делать, надо учиться. А иначе никакого хозяина из тебя не получится.

— А разве обязательно быть хозяином?

— А как же? Если хозяином не быть, то и мужиком родиться ни к чему! На нас, на мужиках, вся ответственность лежит. И за баб, и за детей, и за родную сторону. Понял теперь, сынок, какое твое предназначение?

— Понял! А что, без табуреток мое значение никак не обойдется?

— Поговори мне тут! — отвесил ему затрещину отец. — Учишь тебя, учишь, и все без толку. Бери вон доску и тащи, пилить будем! Табуретка, хоть мала, все одно — умения требует. Любое дело с малого начинается. С малым справишься, большое само пойдет. Да и мать просит. Варька, говорит, растет, а табуретки нет, чтобы за общий стол девчонку сажать. Вот и сделай сестре подарок.

— Я ей табуретку, а она мне что? — недовольно пробурчал Сашка. — Пусть она мне сбегает малины наберет.

— Больно ты расчетливый, как я погляжу, — нахмурился отец, — ты бы лучше с чужими так считался, как с родных свой баш на баш выгадываешь!

Сашка съежился, ожидая еще одного подзатыльника. Варьку, свою младшую сестру по отцу, он, мягко говоря, недолюбливал. Она была писклей и ябедой, тем не менее все с ней сюсюкались, а отец никогда ее не бил, потому что у нее была настоящая мать — Клава. Вот и сейчас она кудахтала как курица, нахваливая свою дочку:

— Вот какая молодец у меня дочка, помогает маме ужин готовить. Вот так умница, ей за это батя табуретку сделает!

«Вот и пусть бы батя делал», — успел подумать Сашка, пока до него не долетел «долгожданный» подзатыльник.

— Сашка, не выводи меня! — пригрозил ему отец. — Ты чего сегодня разошелся? Мало получил? Так я быстро добавлю!

Сашка подхватил доску и потащил ее на распил.

— Ну, так с чего, по-твоему, надо начинать? — произнес отец, когда сын вернулся. — Отвечай, с чего табуретка начинается?

— С дерева! — не задумываясь, выпалил Санька.

— Молодец, — похвалил его отец. — А теперь слушай и запоминай. Самое подходящее дерево для ножек к табуретке — осина. Она плотная, не растрескается и против воды устоит. В старину из чистых осиновых бревен мосты строили, веками стояли, поди и сейчас где ни то стоят. Заготовки из осиновых стволиков я весной сделал, на чердак положил. Как думаешь, зачем?

— Чтобы просохли.

— Опять молодец, — снова похвалил отец. — Сейчас лестницу поставим и полезай на чердак. Поищи там, а я здесь постою, посмотрю, как ты осину от другого дерева отличишь.

С осиной Сашка запутался. И в самом деле, откуда ему было знать, что рисунок у осиновых заготовок красно-коричневый, а у других поленьев — с серым налетом.

— Это ничего, — подбодрил его отец, — знание — дело наживное. Главное, чтоб было кому учить и кому учиться.

Табуретка получилась знатная, с точеными ножками и сиденьем из фанеры, покрашенной в белый цвет. Варька, зная, что эта мебель сделана для нее, попыталась взобраться наверх самостоятельно, но оказалась, что табуретка слишком велика. Не желая отступать, она вцепилась в ее ножку и стояла так до тех пор, пока не пришел отец.

— Мое! — радостно сообщила она отцу.

— Понятное дело, что твое! Учись, сын, хоть и мала вошь, а уже понимает, как добро свое стеречь надо!

Отец подхватил Варьку и поставил ее на новый табурет.

Расправив бант на голове девочки, он сказал:

— Давай, дочь, пляши! Мать, иди концерт смотреть, дочь показывает!

Клава вышла из кухни и, вытерев руки о передник, начала хлопать в ладоши.

— Ехал на ялмалку ухаль-купец, — запела Варька, притопывая ногами, — ухаль-купец, молодой удалец!

Родители смеялись, глядя на Варькино выступление, а Санька злился: они целую неделю старались, мастерили с батей этот табурет, до миллиметра выверяя каждую деталь, чтобы отверстия совпадали, перекладины не перекашивало, сиденье не шершавило. И табурет получился на славу: такой складный и аккуратный, что Санька готов был пылинки с него сдувать. И вот глупая Варька топчет белое сиденье серыми сандалиями, и все смеются, будто красили этот табурет не для того, чтобы им любоваться, а для того, чтобы затоптать и выбросить на помойку. Не выдержав такого издевательства над

плодами своего труда, Санька ушел из дома на свой любимый обрыв.

К шестнадцати годам Сашка оформился в высокого широкоплечего парня, которого никак нельзя было назвать подростком.

— Не по годам ты вымахал, не по годам, но такая уж наша порода! Крепкая у нас порода! Вот и ты, хоть и малолеток, но мужик уже, — сказал отец, когда Сашка объявил ему свое решение уйти из школы после окончания восьмого класса, — а раз мужик, то и правильно, неча штаны за партой протирать, дело надо делать. Только вот начинать надо не с кондачка, не те нынче времена, а с профессии. Хошь на кого, но учиться надо! Мы вон по малограмотности своей как ни бьемся, все голытьбой остаемся. А ты, если выучишься, человеком станешь, будет тебе почет и уважение, а там и денежки потекут, они грамотных любят!

Отец зря беспокоился по поводу того, что сын останется без профессии. Сашка уже давно разработал план, первым пунктом которого значилась учеба в профтехучилище на автомеханика. Ему, конечно, сподручнее было пойти туда, где мебель учат делать, но про такое училище он не слышал, а в автомеханическом у его одноклассника учился брат. Причем в самой столице, в Москве! Санька выведал и адрес, и какие документы нужны, и когда там идет запись на обучение.

— Это ты молодец, сынок, — похвалил его отец, когда Сашка рассказал ему о своих намерениях, — прямо нежданно какой молодец! Как замечательно придумал, мне бы и не сообразить! Светлая, видать, у тебя голова, так хорошо сообразила, что

добавлять — только портить. Поезжай, сынок, старайся, не робей. Парень ты не промах, в углах не сиди, вперед выпячивайся. Ты у меня работы не боишься, комсомолец, вот и действуй по всем линиям, чтоб в люди выбиться!

Впервые в жизни отец похвалил сына, и Сашка так воспарил на крыльях радости, что чуть не слетел с обрыва, бахвалясь собой перед морем, перекрасившимся по такому случаю в зеленый цвет.

— Это ты от зависти позеленело, — кричал ему Сашка, — потому что я поеду в Москву и у меня там будет совсем другая жизнь. Яркая, веселая, богатая, не то что здесь, где кроме тебя и табуреток ничего хорошего нет!

Он и Пашке расписывал все прелести столичной жизни, уговаривая его поехать вместе с ним, но тот отказался, хотя всей душой завидовал другу.

— Я бы поехал, но мать не отпустит. После смерти бати она в меня прямо вцепилась. Один ты, говорит, остался, никуда не пущу, — пояснил Пашка.

— Пусть говорит. Все бабы так говорят, а хоть бы подумали, что здесь, в поселке ихнем, мы делать будем. Вот ты чево будешь делать? — не унимался Сашка.

— Не знаю, не думал еще, — пожал плечами Пашка.

— А я знаю, чево ты здесь делать будешь! — уверенно заявил Сашка. — На Варьке моей женишься и будешь рыбу ловить, а она будет на базар ездить, продавать ее. А еще вы летом будете курортникам углы в своей хибаре сдавать за копейки, а зимой от тоски водку пить.

— Много ты понимаешь! — разозлился Пашка. — Я на твоей Варьке жениться не собираюсь, нужна она мне как корове седло! И водку я не пью, мне газировка «Дюшес» больше нравится.

— Это пока. А потом все равно женишься, потому что она такая же кулема, как и ты. И будете вы, две кулемы, вместе пить водку.

— А ты на ком женишься, не на кулеме?

— Не знаю. Я сейчас в Москве профессию получу, в армию оттуда пойду. Отслужу, вернусь в столицу. Здесь меня больше не увидят. Я в Москве жить буду! Институт там потом закончу, денег заработаю, квартиру или даже дом себе построю, накоплю всего, жену найду культурную, не как наши девки.

Пашка смотрел на друга недоверчиво. С одной стороны, тот вроде как обидел его, а с другой — Сашка говорил о том, о чем он, Пашка, ни разу не задумывался: о женитьбе, квартире, Москве. Скорее всего, когда-нибудь эти проблемы станут и для него главными, но пока что Пашка больше волновался по поводу гола, забитого в их ворота, за который он еще не отыгрался. Он так и хотел сказать Саньке, но, посмотрев на друга, передумал: тот показался ему таким взрослым и самостоятельным, что обсуждать с ним мелкие мальчишеские проблемы стало неловко, а других тем для разговора у Пашки не нашлось. Так и разошлись друзья в разные стороны: один — в продолжение детства, другой — в самостоятельную жизнь.

Готовясь к отъезду, Сашка слазил на чердак дома. Там в углу пылился отцовский чемодан. Сашка всегда знал о его существовании, но ни разу не открывал, потому как не имел такого интереса. Теперь же

он тщательно очистил чемодан от пыли, протер железные накладки на его углах, проверил защелки, подергал ручки и пришел к выводу, что, несмотря на потертый внешний вид, он достаточно крепок, а значит, годится для путешествий. Сашка пристроил чемодан на стуле, открыл его и увидел лежащие внутри цветастые тряпки, оказавшиеся женским платьем.

— Клавка, забирай свое тряпье, — крикнул он, выглянув во двор, где мачеха рубила корм для домашней птицы, — освобождай чемодан, мне вещи складывать надо.

— Ну и складывай, — не отрываясь от работы, ответила Клавка, — моего тряпья в ваших чемоданах нет.

— А платье чье?

— А мне почем знать? Покладь на лавку, коль оно тебе помешало, потом приду погляжу, — отмахнулась она и запричитала, призывая кур: — Цып-цып-цып. Цып-цып-цып!

Сашка кинул платье на лавку и обнаружил лежащий на дне чемодана пакет. Небольшой, прямоугольный, обернутый в пожелтевший от времени газетный лист.

— Интересненько! — пробурчал Санька и вновь окрикнул мачеху: — Клав, а пакет твой или отцов?

— Да ты что ко мне все пристаешь-то, горе ты луковое! — возмутилась она. — То платье какое-то, то пакет! Не вишь, что ли, некогда мне твоей поклажей заниматься! Нету у нас никаких пакетов, а ты собрался ехать, вот и ехай сам! И не приставай ко мне больше.

Уяснив, что пакет ничей, и пропустив остальное мимо ушей, Сашка развернул газету и первым

делом увидел фотографию, лежащую на стопке исписанных листов бумаги. Взяв ее в руки, Сашка подошел к окну, где было больше света, хотя этого и не требовалось, чтобы рассмотреть фото: двое взрослых людей, сидевших на лавочке у бревенчатого дома, были видны достаточно четко, несмотря на то что сама карточка по краям успела пожелтеть от времени. В мужчине Сашка узнал отца, хотя здесь тот был таким, каким он его никогда не видел, — молодым, смеющимся, с гордо поднятой головой. Отец обнимал за плечи женщину, худенькую, миловидную, с толстой длинной косой, перекинутой через плечо. Сашка перевернул фотографию. На обратной стороне незнакомым почерком было написано: «Мы — Платоновы, Николай и Прасковья, 1956 год».

Так вот она какая, мама! Сашка всмотрелся в фото. На маме было светлое в горошек платье со стоячим воротником и пышным рукавом. Она сидела рядом с отцом и улыбалась. Лучше бы она плакала, тогда было бы понятно, что ей жалко своего брошенного сына, но в выражении ее лица не было даже намек на грусть, и Сашка начал злиться. Подумаешь, фря какая! Сидит как ни в чем не бывало, к отцу прижимается, приличную из себя строит, а на самом деле — кукушка подзаборная! В их поселке была одна такая, так ей чуть не каждую ночь забор дегтем мазали, пока она сама не убралась отсюда куда подальше. Вот и его мамаша, наверное, такая же. Тоже живет где подальше, а отец из-за нее вечно хмурый ходит. Один раз, видать, посмеялся, когда на этот снимок фотографировался, на всю жизнь хватило.

— О! Нашел все-таки.

Заглянув в комнату через окно, Клавдия заметила, что пасынок рассматривает фотокарточку.

— Отец увидит — разозлится, получишь на орехи!

— А ты лишку не болтай, он и не узнает, — осадил ее Сашка. — Ты теперя своих орехов бойся, а у меня с завтрашнего утра другая жизнь начнется!

— Держите меня четверо от его мечтаний! А эту жизнь ты куда денешь?

— Вам оставлю. Жрите! Может, подавитесь, орать перестанете.

— Ненавистный ты, Сашка, какой-то! — покачала головой в знак осуждения Клавдия. — Вроде и вырастила я тебя, вроде как сын ты мне, переживаю за тебя, как за сына, а душой принять тебя не могу. Мастеровой ты, хваткий, дельный, но не ладный какой-то, неприветливый. И не сказать, что зло от тебя идет, однако и добра нет. Холодно рядом с тобой, ветрено.

— Чой-то ты разошлась меня судить? Ты мне не мать нотации делать, — нахмурился Сашка, — у тебя Варька есть, ее и чихвость. А я без твоих оценок хорошо жить буду, богато.

— Да это-то кто бы сомневался, что богато! Это по всем повадкам твоим видать, что богато. Я о другом, я о душе твоей взъерошенной говорю. Как бы не поизносился ты раньше времени, вот я о чем печалюсь, — горестно вздохнула Клавдия.

— Сказал же, о Варьке своей печалься. — Сашка кивнул в сторону сестры, копавшейся в огороде. — А мне печаль твоя не требуется. У меня своя голова на плечах есть, не ровня вашей.

— Вот я и говорю, не поизносился бы ты раньше времени, — словно не слыша последних слов пасынка, повторила Клавдия, отходя от окна..

Сашка еще не решил, что делать с фотографией, как калитка отворилась и во двор вошел отец. Отпрянув от окна, паренек быстро завернул фотографию в ту же газету и положил назад в чемодан.

— Ты как там, складываешься в дорогу? — спросил отец, заглядывая в то же окно, где минуту назад стояла Клавдия.

— Да вот, чемодан вытащил, пыль вытер, — пояснил Сашка.

— Это хорошо, что чемодан, ты давай там, сам занимайся, нам с матерью не до тебя, своих забот хватает.

Отец пошел к сараю, не спросив про фотографию.

«Забыл, наверное, — решил Сашка, — да и правильно, было бы о ком помнить, одно слово — кукушка».

Вещей, которые собрал Сашка, оказалось так мало, что чемодан в итоге остался полупустым. Однако это его ничуть не расстроило. На первое время он одет, обут, а потом заработает и столько рубашек с пиджаками купит, что не только чемодана, вагона не хватит. Он так и сказал отцу, который вздумал вдруг горевать, что у Сашки нет зимнего пальто и теплых ботинок. Отец не слишком ему поверил, но Сашка так убедительно рассказывал о том, как хорошо собирается жить дальше, что тот отступился.

Уезжал Сашка рано утром.

— Своей науке я тебя, сынок, обучил, — сказал отец на прощанье, — воспитал, как умею, рассказал, о чем понимаю. Здесь деньги на первое время, — он протянул Сашке тридцать рублей, — дальше сам себе дорогу прокладывай. Не робей, без дела не суесть, а по делу высывайся, чтоб заметило тебя

начальство. Тут наука невелика: коли кого отмечают, того потом так и двигают.

— Не надо меня двигать, я сам ходить умею, — воспротивился Сашка.

— Сам-то ты с усам, да только начальству виднее, по какой дороге ходить. Их-то дорога послаще будет, вот туда и пробивайся. Не прекословь, работай с усердием, если что по комсомолки вашей прикажут, так и там старайся. Главное, чтобы было тебе одобрение от начальства, тогда уж точно в люди выбьешься!

— Что-то я боюсь, вдруг не получится у меня, — засомневался Сашка.

— Не может такого быть, чтоб не получилось! Порода у тебя крепкая, голова ясная, норов упрямый, до работы жадный. Ежели себя соблюдешь, как я сказал, то на ноги крепко встанешь. Никто тебя тогда не собьет и дорогу твою не перепашет. Там, глядишь, и в хозяева выйдешь! Я всю жизнь пахал, чтобы хозяином стать. Не дотянул. Кишка, видать, тонка. А ты стремись! Жизнь над рабами смеется, а хозяев побаивается. Там, где рабу по лбу ложкой достается, хозяину — уважение и почет. Коль не хочешь пропасть, будь хозяином, хоть в малой малости, но сам, своей головой, своим умением и своей выгодой живи. Вот такой я тебе отцовский наказ даю. Ехай с легкой душой, об нас не печалься, мы с матерью не пропадем.

Обняв сына, отец трижды его поцеловал и перекрестил. Про фотографию, лежавшую в чемодане, который сын теперь увозил с собой, он так и не вспомнил. Дойдя до калитки, Сашка обернулся. Отец, Клавдия и Варька стояли у порога дома, глядя ему вслед. Сашка помахал им рукой и бодро шагнул вперед.

Тропинка к автостанции шла вдоль берега. У знакомого до каждой песчинки обрыва Сашка остановился, чтобы попрощаться с морем.

— Все, море, не о чем нам больше с тобой говорить! Уезжаю. Я теперь взрослый, буду жить самостоятельно.

Море ответило ему шумом прибоя.

— Прощай, море! — крикнул Сашка и побежал, чтобы не опоздать на автобус, который ходил точно по расписанию, как и поезд, на котором ему предстояло ехать в столицу, в Москву.

ГЛАВА 2

Москва начала семидесятых годов вместе со всей страной усердно трудилась над созданием материально-технической базы коммунизма. Коммунистическая партия Советского Союза не только провозгласила эту задачу первоочередной, но и, во избежание ненужных отклонений от установленной нормы, приняла программу строительства коммунизма, а также Моральный кодекс строителя коммунизма. Народ ударно включился в борьбу за самые высокие достижения на производстве.

ПТУ готовили кадры под лозунгом: «Сегодня мы резервы трудовые, а завтра мы — рабочий класс!». Распространенная в то время расшифровка: «ПТУ — помоги тупому устроиться» отрицалась положительными примерами. Сашка со своим свидетельством, в котором по всем предметам стояли четверки, а по математике и физкультуре пятерки, был идеальным примером того, что в ПТУ

идут не самые худшие. Рослый серьезный парень, хорошист и комсомолец, он сразу же обратил на себя внимание того самого начальства, о котором его предупреждал отец. Следуя отцовским советам, он не стал отсиживаться в углах и очень скоро оказался в центре общественно-политической жизни ПТУ. Его назначили старостой группы и выбрали в комитет комсомола училища. Названия новых должностей Сашке нравились, а с новыми обязанностями возникли проблемы. Он совсем не знал, как оправдать доверие старших товарищей. Помог Леонид Леонидович, которого все звали Лен Леныч. Он был мастером курса, на который попал Саша Платонов. Заметив рвение паренька из глубинки, проникся к нему добрыми чувствами, а когда выяснилось, что у того еще и руки золотые, вообще взял над ним опеку. С помощью Лен Леныча Сашка быстро понял, что надо делать. Он составил график дежурства в мастерских, завел табель учета посещаемости и успеваемости, занялся организацией комсомольских субботников и собраний. Помня отцовский наказ, Сашка так старался, что начальство действительно его заметило и двинуло вперед, назначив в совете общежития председателем комиссии по контролю за чистотой. Сашка не сразу понял, что это и есть та самая «дорога послаще», о которой говорил отец. Вначале он пытался проверять у ребят чистоту рук и ногтей, как это делалось в его школе, когда он был октябренок, потом — следить за состоянием их одежды. И только потом дело дошло до тех самых рейдов...

Сашка жил в комнате с двумя тихими пареньками из подмосковных деревень, учившимися в одной

группе с ним. На выходные ребята уезжали домой, откуда привозили картошку, лук, сало и сметану. Все это уничтожалось за общим столом по вечерам, а утром и днем студенты питались в заводской столовой по талонам, выданным в училище. Таким образом, получалось, что Сашка всегда был сыт «за бесплатно», так же как и одет: ПТУ обеспечивало своих воспитанников казенной формой. Стипендию он старался не тратить на разные пустяки, а копить на что-нибудь посущественней. Он и сам еще не знал, на что именно, но был уверен, что поступает правильно. Сашка так и написал в своем единственном письме, отправленном домой еще в сентябре, ответа на которое не получил. Почему? Сашка не задавался этим вопросом: маленький домик на берегу Азовского моря под натиском новых впечатлений отступил так далеко в прошлое, что вспоминать о нем было некогда. К тому же Сашке по душе пришелся новый дом, ставший для него родным, — общежитие. Здесь не было отца с его дикими методами воспитания, здесь он сам решал, что ему делать, куда идти и как поступать, здесь сверкала огнями Москва и существовало еще очень много больших и малых «здесь», благодаря которым он ни при каких обстоятельствах не хотел возвращаться туда, откуда приехал. Так не хотел, что готов был сделать все, что от него требовалось, лишь бы не сорвался придуманный им план: ПТУ, армия, институт, работа. И жизнь! Не простая, а богатая, такая, в которой он непременно будет хозяином, как наставлял отец.

Свой личный план Сашка всегда держал в голове, и полгода, проведенные в ПТУ, казались ему

огромным скачком к его осуществлению. Особенно сильно утвердился он в этой мысли, когда составлял отчет о проделанной общественной работе. За первый семестр первого курса он провел три комсомольских собрания, в повестке дня каждого из которых значились важнейшие вопросы: о задачах молодежи по выполнению постановления ЦК ВЛКСМ и Совета Министров СССР, об идейно-воспитательной работе в ПТУ, об организации проведения политинформаций и политинструкций. Еще Сашка вписал в отчет участие в организации мероприятий, посвященных празднованию 54-й годовщины Великого Октября, и получилось, что как член комитета ВЛКСМ он со своими обязанностями справился. Как староста — тоже: и посещаемость, и успеваемость в его группе превышали средний уровень. Только по поводу работы в злополучной комиссии совета общежития Сашке написать было нечего. Руки и одежда однокурсников в счет не шли, а где и как еще надо контролировать чистоту, он так и не понял. Прочерк в соответствующей графе отчета пугал Сашку до дрожи в коленках. Вдруг начальство выгонит его из ПТУ как несправившегося? О том, что таких ценных студентов, как он, из ПТУ не выгоняют, Сашка даже не догадывался. Зато мудрый Лен Леныч все понял и пришел на помощь растерявшемуся студенту.

— Пошли со мной, — приказал он, отыскав Сашку на перемене.

Сашка, дрожа от страха, повиновался. Чем ближе подходили они к кабинету мастера, тем сильнее подгибались у него колени. Он уже почти слышал, как Лен Леныч читает приказ о его исключении из

ПТУ, и почти видел море, потемневшее от злорадства над беглецом, вынужденным возвратиться домой. Когда они зашли в кабинет, Сашка от ужаса совсем перестал соображать и потому не сразу заметил двух крепких парней, сидевших на стульях у стены. А когда они начали вставать, первым делом подумал о том, что сейчас его будут бить за неисполнение обязанностей по контролю за чистотой. Инстинктивно прижавшись к стене, он сжал кулаки.

— Знакомься, Саша, — вывел его из оцепенения голос Лен Леныча, — это наши старшекурсники Костя и Анатолий. Ребята они крепкие, в армии служили, порядок понимают. Они тебе помогут.

— К-как, — выдохнул Сашка, с трудом приходя в себя от пережитого страха, — в ч-чем?

— Посмотрите на него! — обращаясь неизвестно к кому, воскликнул Лен Леныч. — Ты как член совета общежития какую работу провел?

— Никакой, — пробормотал Сашка.

— То-то и оно.

Лен Леныч ткнул пальцем в Сашкино плечо.

— Минус тебе за это. Надо исправляться. Костя и Толя, как члены твоей комиссии, помогут тебе переделать минус в плюс. Вот вам красные повязки, — он протянул Сашке три полоски с надписью «Совет общежития», — берите, на руки повязывайте и действуйте. Все, идите, — указал Лен Леныч на дверь, — и чтоб сегодня же в рейд! А то распустили народ, так и до греха недолго!

Только в коридоре, выйдя из кабинета мастера, Сашка вздохнул с облегчением, понимая, что

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	255
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	520
Эпилог.....	915